

Ли Дэли с облегчением выдохнул: он-то думал, у его воспитанника действительно что-то заболело.

— Ваше Величество, мы ведь на улице, вот вернемся — тогда и поедите.

— Не хочу, хочу сейчас! Я так проголодался, а ведь вел себя послушно и ничего не ел за столом.

Чжоу Минхэ хотел получить похвалу и снова принялся капризничать: усевшись на каменный табурет в маленькой беседке, он наотрез отказывался вставать.

Поскольку Ли Дэли вырастил его своими руками, Чжоу Минхэ был привязан к нему сильнее некуда и во всем слушался. Порой, даже если у него возникали какие-то сомнения, он все равно поступал так, как подсказывал Ли Дэли.

Поэтому он всегда вел себя очень послушно и редко проявлял подобное упрямство. Ли Дэли и в этот раз не заподозрил неладного, решив, что мальчик просто не наелся за праздничным столом и теперь капризничает с голодухи.

Делать было нечего, да и вид у него был такой жалостливый, что сердце не выдержало. Ли Дэли велел Сяо Юаню сбежать за угощением, а сам остался караулить мальчика.

К счастью, беседка была со всех сторон занавешена пологам, защищавшими от ветра, так что застудить их драгоценного господина было мудрено.

Устроившись на табурете, Чжоу Минхэ заметил в маленьком пруду резвящихся разноцветных карпов кои и тут же оживился, тыкая пальцем в воду:

— Золотые рыбки?

— Золотые рыбки в покоях Вашего Величества, — Ли Дэли взял лицо маленького императора в ладони, страхась, как бы вид пруда не пробудил в нем тяжелые воспоминания и он снова не расплакался.

Однако было уже поздно: соображавший с трудом Чжоу Минхэ тут же залился слезами.

— Но ведь золотая рыбка умерла! У-у-у-у, моя золотая рыбка...

— Нет-нет, Ваше Величество, золотая рыбка жива, она в ваших покоях. Раб велел Чжао Юэ принести ее, Ваше Величество увидите ее, как только вернетесь, — поспешно принялся утешать его Ли Дэли.

Но Чжоу Минхэ не желал слушать. Он ведь не дурачок, он прекрасно знал, что та золотая рыбка погибла, а в спальне плавает совсем не она. Надув губы, он пробормотал:

— Не хочу, я еще не ел хрустальных пирожных.

Ли Дэли лишь молча выдохнул.

Про еду-то он и не забыл.

— Сяо Юань уже побежал за ними, они скоро будут, — снова вздохнул Ли Дэли, чувствуя, что сегодня ночью его императорское высочество выдался на редкость прилипчивым.

Чжоу Минхэ затих, но продолжал смотреть на карпов, весело плескавшихся в воде, и невольно вспомнил свою собственную рыбку — с таким большим и красивым хвостом.

— Евнух Ли.

— М?

— Я хочу ту золотую рыдинку. Она очень похожа на мою, я хочу поймать ее и забрать с собой.

Чжоу Минхэ указал на карпа с ярко-красным хвостом — одновременно пестрого и прекрасного.

Ли Дэли бросил взгляд на пруд: вода сверху уже подернулась тонкой коркой льда.

Но как он мог отказать своему маленькому господину? Пришлось велеть Чжао Юэ и остальным лезть в воду и ловить рыбу.

Ли Дэли стоял на берегу, как вдруг почувствовал странные позывы — терпеть больше было невозможно. Подумав, что вокруг его господина крутится целая толпа людей и потеряться тот никак не сможет, евнух шепнул пару слов Чжоу Минхэ и торопливо зашагал на поиски отхожего места.

Рыба скользила в воде, словно угорь, и как они ни старались, поймать ее не получалось.

Евнух Ли все не возвращался, хрустальных пирожных не было, и терпение мальчика иссякло окончательно. Вдобавок тело почему-то на удивление сильно и неприятно разгорячилось. Чжоу Минхэ поднялся на ноги и вышел из беседки.

Свежий ветер немного освежил его, и странное, незнакомое жжение внутри чуть утихло.

Шедший позади евнух тут же встревожился:

— Ваше Величество, не стойте на сквозняке, еще голова заболит. Давайте вернемся в беседку.

Проведя с Чжоу Минхэ бок о бок несколько дней, этот младший евнух уже изучил его нрав и характер. К тому же перед уходом евнух Ли строго-настрого велел им глаз не спускать с императора, так что оплошать было нельзя.

Но Чжоу Минхэ не хотел возвращаться: внутри было душно и тяжело.

Не дождавшись ответа, евнух испугался еще сильнее: если император подхватит простуду, головы им всем не сносить. Забыв о приличиях, он протянул руку и попытался оттащить мальчика, рассудив, что тот все равно дурачок и не станет обижаться по пустякам.

На беду, пальцы евнуха угодили прямо на свежую, еще не зажившую корочку. Это было больнейшее место, прикасаться к которому никому не позволялось. Испугавшись, что ему снова расковыряют рану, мальчик мгновенно покраснел глазами.

Он помнил слова евнуха Ли: он — император, и кроме Чжоу Цзици, ему не нужно бояться никаких обидчиков, никому нельзя позволять себя обижать. Ссупив брови и сделанно свирепым голосом, он приказал:

— Не смей меня трогать! Не ходите за мной, а не то велю вас выпороть палками!

От этого окрика евнух и служанки разом лишились дар речи и действительно не смели больше двинуться с места. Евнуха Ли поблизости не было, и они понятия не имели, что именно вздумалось делать императору.

Пока они стояли в оцепенении, император скрылся из виду.

Чжоу Минхэ со всех ног бросился бежать, но вскоре заблудился.

Хотя он провел во дворце уже десять дней, за пределы Зала Чундэ он не выходил ни разу. Ему хотелось отыскать евнуха Ли, Сяо Юаня и Чжао Юэ, но вокруг не было ни души.

Евнух говорил, что во дворец повсюду кишит стражниками, и велел не бродить где попало. Но стражники ведь тоже люди, а он теперь император и может приказать им проводить его назад.

Однако он искал их добрую половину дня, и не встретил даже тени живой души.

Холодный ветер свистел над головой, заставляя высохшие листья шуршать сухим шорохом, что

придавало всему вокруг пугающую, зловещую атмосферу.

Плотно запахнув лисьей шубкой, Чжоу Минхэ забился в угол у стены и забормотал:

— Скоро рассветет, и станет хорошо. Когда взойдет солнце, евнух Ли сможет меня отыскать, мне нужно только спрятаться получше...

Его голова, вроде бы немного прояснившаяся на ледяном ветру, снова начала затуманиваться.

Внизу живота вновь поднялись странные ощущения: казалось, там полыхает огонь или колются тысячи крошечных иголок.

Он не понимал, что с ним происходит, и этот неведомый недуг до смерти пугал его. Крепко прижав руки к животу, он покрылся мелким потом от боли.

Неужели он проголодался?

Прежде, когда ему случалось голодать, живот болел точно так же.

Пока он размышлял об этом, до его носа донесся сладкий аромат османтуса вперемешку с медом. Сладкий запах окончательно затуманил и без того смутную голову, заставив забыть о том, что он должен был послушно ждать евнуха Ли.

Разобравшись со всеми делами, Чжоу Цзицзи в одиночестве направлялся в Зал Чундэ. Проходя мимо императорской кухни, он помедлил немного, вошел внутрь и захватил с собой тарелочку целых, нетронутых сахарных пирожных с османтусом.

Он помнил, что Чжоу Минхэ больше всего на свете любит это лакомство. Стоило ему начать есть, как его глаза превращались в лучистые полумесяцы, согревая все вокруг, подобно маленькому солнышку. И этот теплый свет растапливал лед в его сердце, замерзавшем на протяжении долгих веков.

Все эти десять дней Чжоу Цзицзи жил во дворце, а с наступлением темноты непременно заглядывал в Зал Чундэ навестить Чжоу Минхэ.

Сегодняшний день не стал исключением. Однако стоило ему войти в Императорский сад, как тело пронзила волна жгучего, нестерпимого возбуждения: пламя вспыхнуло изнутри, опалая разум.

Это ощущение было слишком знакомым. Когда-то давно, еще до того, как он сосредоточил в своих руках всю полноту власти и достиг положения, при котором никто не смел бросить ему вызов, недоброжелатели попытались отравить его отравой, чтобы погубить. Эту подлость он ненавидел больше всего на свете.

Тогда он принял противоядие, но на сей раз действие отравы превзошло все ожидания: лекарство совершенно не помогало ее сдержать.

Резким движением ослабив воротник одежды, Чжоу Цзицзи чувствовал, как глаза наливаются кровью, а на лбу выступают капли пота. Заметивший его неладное состояние молодой стражник из патруля набрался смелости и подошел справиться о самочувствии.

Но один взгляд этого кровожадного взгляда Регента едва не свел беднягу в могилу. Дрожа всем телом, стражник выдал из себя:

— Ваша Светлость, вы... вам нездоровится?

Чжоу Цзицзи вцепился ему в воротник и прохрипел:

— Ступай в Императорскую врачебную коллегию, приведи Чжан Чжичуня в Обитель Белого Лотоса.

Чжан Чжичунь был его личным военным лекарем, которого Регент пристроил во врачебную коллегию сразу по возвращении в столицу.

— Слушаюсь, слушаюсь! — перепуганный до потери пульса стражник бросился прочь со всех ног.

Обитель Белого Лотоса была его личными покоями во дворце, расположенными в двух шагах от Зала Чундэ, за двумя коридорами и одним павильоном. Мало кто вообще знал, что он там живет.

Преодолевая бушевавшее внутри бешенство, Чжоу Цзицзи добрался до Обители Белого Лотоса.

Вода в бассейне с ледяным ключом журчала и переливалась. Не раздумывая, Регент бросился прямо в воду. Ледяной источник подарил ему лишь мгновенное облегчение: не успело пройти и минуты, как жар вспыхнул с новой силой, сжигая остатки рассудка.

Вскоре примчался Чжан Чжичунь. По правде говоря, лекарь порядком струсил: судя по сбивчивому рассказу стражника, Регент отравился каким-то зельем.

За все эти годы Чжоу Цзицзи никогда не приближал к себе женщин — сколь бы прекрасны они

ни были, он держал их на расстоянии. По дворцу даже ходили слухи, будто он предпочитает мужчин. Сам Чжан Чжичунь считался мужчиной весьма недурной внешности, и если вдруг...

Тьфу, тьфу, тьфу! Лекарь мысленно отбросил эти грязные мысли, ругая себя за глупость. Все эти годы в сердце Регента жил лишь один человек, разве мог он прельститься кем-то еще?

Толкнув резные двери Обители Белого Лотоса, Чжан Чжичунь остолбенел от открывшейся его взору картины.

Одежды Чжоу Цзицзи были распахнуты настежь, обнажая медовую кожу и крепкую грудь, которая тяжело вздымалась в такт прерывистому дыханию.

Чжан Чжичунь невольно сглотнул слюну. Он с детства питал слабость к красавцам, и если закрыть глаза на мрачное выражение лица Регента и ауру кровожадности закаленного в боях воина, тот сам по себе представлял редкостного красавца.

Но долго глазеть он не посмел, а сразу протянул ему пилюлю.

Чжоу Цзицзи принялся и бросил:

— Не поможет.

— Не поможет?

Этого просто не могло быть, подумал Чжан Чжичунь.

Прежде Регенту уже доводилось попадать в подобные ситуации, и всякий раз Чжан Чжичунь легко справлялся с ними. Специально для таких случаев он создал особую пилюлю: стоило принять одну после отравления, как рассудок мгновенно прояснялся. Осечек еще не бывало.

Обеспокоенный лекарь проверил пульс Регента, нахмурился, но тут же с облегчением выдохнул:

— Отрава убийственная, но жизни не угрожает. Просто ее действие нужно на ком-то выплеснуть, повторив несколько раз.

Однако в Обители Белого Лотоса, кроме невидимых глазу скрытых стражей, не было ни души. Не тащить же в постель стражников?

И тогда он осторожно предложил:

— Может... поискать для вас кого-нибудь?

В ответ Чжоу Цзици одарил его ледяным взглядом.

Чжан Чжичунь тихонько кашлянул:

— Что ж, тогда оставайтесь в ледяном источнике. Вода должна подействовать лучше лекарства, если посидеть в ней подольше, яд выйдет.

Глядя на бассейн с ледяной водой, Регент холодно приказал:

— Вон.

— Слушаюсь, слушаюсь.

Уходя, лекарь попутно зажег в комнате успокаивающие благовония, чтобы помочь Регенту очистить разум.

Сбросив всю одежду, Чжоу Цзици погрузился в ледяную воду.

Борьба холода и жара лишь сильнее терзала его затуманенный разум.

В курительнице с благовониями угадывался тонкий аромат османтуса. В морозной и зловещей тишине ночи запах казался все более отчетливым; он витал вокруг, создавая иллюзию, будто живой, настоящий человек прижался прямо к его груди.

В голове Чжоу Цзици одна за другой проносились картины: сияющий и жизнерадостный Чжоу Минхэ, Чжоу Минхэ верхом на коне, Чжоу Минхэ с покрасневшими от обиды глазами...

Его дыхание становилось все тяжелее, пламя разгоралось сильнее, и рука сама собой потянулась вниз.

Пот катился по волевому подбородку, срываясь на вздымающемся кадыке...

Из-за опьянения спиртным голова Чжоу Минхэ превратилась в сплошной кисель: он думал лишь об одном — об аромате османтуса. По дороге он даже упал, ободрав кожу на запястье.

Наконец он нашел нужное место: от этого дома сладко и маняще пахло османтусом, и один этот запах приносил умиротворение.

Не встретив ни малейшего сопротивления, Чжоу Минхэ толкнул тяжелую дверь...

<http://bllate.org/book/21172/2144762>